

Александр

Гарцев

**Печать
Каина**

18+

Александр Гарцев

Печать Каина

<https://litres.ru/74525597>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новая книга писателя Александра Гарцева "Печать Каина" — остросюжетная драма.

Москва, начало нулевых. Эпоха капитализма, где совесть продается по курсу доллара.

Хипстер Георгий Волков кажется успешным менеджером, но за модным фасадом скрывается мелочная трусость.

Ради спасения от долгов перед криминалом он совершает идеальное корпоративное убийство — банкротит IT-стартап своего лучшего друга Андрея, используя подпись доверчивого третьего партнера.

Но миллионы долларов не приносят счастья.

Спустя двадцать лет, стоя на пороге нового инфаркта среди роскошных декораций собственной жизни, Георгий получает странный звонок с Севера.

Чтобы искупить грех, ему придется сменить итальянский костюм на ватник, а биржевые графики — на рукоятку двуручной пилы.

Сможет ли человек, укравший чужое будущее, построить собственный храм?

И какой валютой оплачивается прощение, если деньги больше ничего не стоят?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Гарцев

Печать Каина

Глава 1

Октябрь 2003 года пах мокрым асфальтом, дешевым растворимым кофе и озоном от перегревшегося ксерокса. Офис логистической компании «Вектор-Лог» располагался в цокольном этаже бывшего НИИ на окраине Москвы. Желтый свет люминесцентных ламп делал лица сотрудников землистыми, а лужу у кулера — похожей на разлитый йод.

Георгий Волков сидел на подоконнике, поджав ноги в стоптанных кедах Converse. На коленях у него лежал белый плеер iPod Mini, провода от которого змеились к старым колонкам Sven. Из динамиков рвался холодный гитарный скрежет группы The Strokes. Георгий качал ногой в такт, глядя сквозь залитое дождем стекло на проезжающие фуры. В своем узком черном свитере и с растрепанной челкой он выглядел как арт-директор из журнала NME, по ошибке попавший в преисподнюю для менеджеров среднего звена.

— Гера! — голос Андрея Громова вырвал его из транса. — Ты вообще слушаешь?

Андрей стоял посреди комнаты, сжимая в руках веер распечаток. Его толстые линзы очков запотели от перепада тем-

ператур между холодной улицей и душным офисом. Растянутый ворот серого шерстяного свитера домашней вязки открывала бледную шею. Он был счастлив. По-настоящему, до дрожи в пальцах.

— Смотри, я посчитал! — Андрей плюхнулся на скрипящий стул перед столом Геры, сметя локтем кипу накладных. — Если мы пустим рефрижераторы через Вологду, а не через Ярославль, мы срезаем угол. Двенадцать часов чистого времени, Гера! Двенадцать! Я прогнал это через макрос, смотри графики.

Он тыкал пальцем в черно-белые таблицы, где кривые извивались, как кардиограмма умирающего. Для Андрея эти цифры были живой музыкой. Алгоритм оптимизации маршрутов стал делом всей его жизни. Ему было плевать на маржу, на инвесторов и на то, что линолеум в офисе вздулся пузырями. Он хотел доказать, что математика побеждает хаос российских дорог.

Георгий медленно снял один наушник. Звук ударил в уши резко, неприятно. Он посмотрел на друга со смесью скуки и плохо скрываемого превосходства.

— Андрюх, — протянул он, растягивая гласные. — Это прекрасно. Математика сферическая в вакууме. Но инвесторы дышат нам в затылок. Им нужен кэш-флоу здесь и сейчас. А твои двенадцать часов... они их не возбуждают. Их возбуждает только бабло. И выглядишь ты, кстати, как бомж. Ольга тебя скоро разлюбит.

Упоминание Ольги сработало как выключатель. Андрей осекся, ссутулился и начал судорожно собирать рассыпавшиеся листы. Ольга Зимина была светом в его оконце, девочкой из профессорской семьи, которая зачем-то полюбила этого угрюмого гения кода. То, что она выбрала его, до сих пор казалось Андрею чудом, которое нужно ежедневно оправдывать.

Дверь офиса хлопнула так, что задрожали стекла. Запах дорогих сигарет и мокрой кожи заполнил комнату еще до того, как вошедший переступил порог. Аркадий Маркович Штерн никогда не стучался. Он просто входил, принося с собой атмосферу чужого, взрослого мира, где люди не сидят в подвалах за ЭЛТ-мониторами.

Штерну было около пятидесяти. Идеально сидящий, но безнадежно скучный серый костюм фабрики «Большевичка». Тяжелая нижняя челюсть, короткие пальцы-сардельки. Он оглядел убогую обстановку офиса без малейшего брезгливого выражения, словно оценивал скот на рынке.

— Работаете? — его голос был лишен интонаций. — Похвально.

Он прошел прямо к столу Георгия, проигнорировав суетливо вскочившего Андрея. Не спрашивая разрешения, сел на край столешницы, сдвинув клавиатуру. Достал из внутреннего кармана плотный конверт из крафтовой бумаги и положил его рядом с рукой Геры. Конверт лег на стол с тяжелым, глухим звуком.

Георгий покосился на бумагу. Его правое веко дернулось — старая нервная привычка, которую он ненавидел.

— Мы обсуждаем оптимизацию логистики, Аркадий Маркович, — сухо сказал Гера, пытаясь вернуть себе контроль над ситуацией.

— Логистика подождет, — Штерн даже не повернул головы. Он смотрел на Георгия своим неподвижным взглядом старой рептилии. — У меня есть информация, которая может расстроить вашу супругу Ольгу Николаевну. Она ведь очень трепетная натура. Профессорская дочка. Скандал ее убьет.

Георгий почувствовал, как ледяной пот стекает по позвоночнику под тонкий кашемир свитера. Пятнадцать тысяч долларов. Подпольный покерный клуб в Лужниках. Люди, которые звонят по ночам и молчат в трубку.

— Что нужно сделать? — хрипло спросил он. Горло пересохло.

Штерн позволил себе тень улыбки. Только губы, глаза остались мертвыми.

— Ничего криминального, Георгий Сергеевич. Просто корпоративное управление. Вам выпала честь проголосовать так, как скажу я. И проследить, чтобы ваш гениальный друг подписал одну бумажку. Ту, которую я сейчас вам дам. Ваша печать у секретарши Леночки?

— Ключ от сейфа у меня, — промямлил Андрей, который все еще стоял над своими графиками, ничего не понимая, но

инстинктивно чувствуя холод, исходящий от гостя.

— Вот и славно, — кивнул Штерн. — Значит, формальности решим быстро. Вечером. Когда девочки уйдут домой.

Глава 2

Сентябрь 2023 года пах иначе. Дорогим парфюмом, дубовым шпоном, которым отделявали гараж, и стерильной чистотой системы климат-контроля. Никакой пыли. Никакого дешевого пластика.

Георгий Сергеевич Волков стоял на панорамном крыльце своего дома в элитном поселке «Серебряный бор». Кашемировое пальто небрежно накинуто поверх белоснежной рубашки поло. В руке — фарфоровая чашка с двойным эспрессо без сахара. Жизнь удалась.

Внизу бригада молдаван в униформе аккуратно разгружала паллеты с итальянским мрамором цвета калакатты. Каждая плита стоила как подержанный Ford Focus. Георгий перевел взгляд дальше, за ажурный кованый забор. Там, метрах в тридцати, там, где заканчивался идеальный асфальт поселка и начиналась обычная сельская грязь, зияла строительная яма. Батюшка местной церквушки решил строить себе дом. И почему-то благословил контракт именно фирме Георгия. Провидение любит черный юмор.

Из-за поворота разбитой грунтовки вынырнул старый синий фургон «Мерседес-Спринтер» с облупившейся аэрографией какой-то волонтерской службы на борту. Фургон чихнул сизым дымом и заглох прямо в луже.

Хлопнула дверь.

На улицу вышел человек.

Сначала Георгий увидел сапоги. Огромные, покрытые за-сохшей рыжей глиной берцы. Затем — потертые колени штормовки цвета хаки. Человек разогнулся, достал из кузова деревянный ящик с инструментами, захлопнул ржавую дверь плечом и пошел к церкви.

У Георгия похолодело в животе. Так холодеет сталь, когда ее опускают в жидкий азот.

Кофе во рту мгновенно превратился в пепел.

Это лицо нельзя было забыть. Оно снилось ему последние двадцать лет в те редкие часы, когда совесть прорывалась сквозь снотворное и алкоголь. Лицо без единой морщины сытости. Лицо человека, которому нечего терять.

Андрей Громов поднял голову.

Их взгляды встретились через дорогу — границу миров. Бездвижный, тяжелый взгляд хищника в костюме за пять тысяч евро и абсолютно спокойные, чуть усталые глаза программиста в грязных ботинках.

Время остановилось. Двадцать лет сжались в долю секунды, повиснув в прозрачном осеннем воздухе вместе с запахом мокрого газона.

Андрей узнал его сразу. Ни удивления, ни ужаса. Лишь секундное узнавание, скользнувшее по лицу, как ветер по воде.

— Гера, — тихо произнес он. Голос оказался прокуреным и тихим. — Надо же. А я думал, ты сейчас где-нибудь в Лондоне или Дубае считаешь свои активы.

Георгий попытался сглотнуть ком в горле. Рука с кофейной чашкой мелко, позорно дрогнула. Фарфор едва слышно звякнул о блюдец. Он сделал шаг вперед, на идеально ровную плитку крыльца, которая казалась ему теперь палубой тонущего корабля.

— Андрюш... какими судьбами? — слова давались с трудом, язык ворочался как чужой. — Я тут... ну, знаешь. Богоугодное дело спонсируем. Помогаем сельской общине. Храм вон восстанавливаем, купола уже золотят.

Андрей мазнул взглядом по лесам возводимого коттеджа священника, потом перевел его на гараж Георгия, куда рабочие бережно заносили стеклянный стеллаж для коллекции вин.

— Понятно, — кивнул он. — Хорошее вложение. Душевное.

Он обошел лужу, развернулся, собираясь идти дальше — туда, откуда доносился мерный стук топора и запах свежих сосновых опилок. Домой. К своей свободе.

И тут внутри Георгия что-то оборвалось. Вся эта лакированная скорлупа благополучия пошла трещинами. Повинуясь слепому животному ужасу разоблачения, он бросился наперерез, оскальзываясь на мокром гравии дорожки.

— Подожди! — крик сорвался на фальцет, визгливый и жалкий. — Ты думаешь, мне это нравилось?! Думал, я кайфовал?! Да если бы не я, Штерн бы вас всех закопал! Закопал в прямом смысле! Вы бы бомжами остались, Андрюха!

Я спасал активы! Это бизнес, понимаешь? Бизнес! Там сантиментов нет!

Андрей остановился. Медленно обернулся. Посмотрел на холеные руки бывшего друга, на его побелевшие губы, на предательски дергающееся правое веко. И вдруг тихо, понимаяюще усмехнулся. В этой усмешке не было злорадства. Было лишь бесконечное знание чего-то такого, чего Георгий понять уже не мог.

— Активы, Гера? — переспросил он. — Я помню тот вечер. Четверг. За неделю до собрания. Ты тогда принес новый сорт кофе, арабику какую-то. Сказал, премию дали. А Илья... помнишь Илью? Нашего Сомова. Он тогда чай на клавиатуру пролил, свой любимый, крепкий, в подстаканнике. Метался, тряпками вытирал, боялся, что сервак коротнет. Жалко его было смотреть. А потом ты вышел покурить...

Георгий замер. Кровь отлила от лица. Откуда он знает про четверг? Про Илью?

— ...А внизу, у черного входа, стояла машина Ильи. Старенькие «Жигули», шестерка синяя, вся гнилая. Помнишь? И наш грузчик Вася курил рядом, грелся. И Вася мне потом сказал: «Андреич, а Сомов чего плачет в машине? Салфетками нос трет». Оказывается, ты спустился к нему. Сам. Позвал «прокатиться до транспортной». Сказал нашему доверчивому Илье, что надо лично отвезти ту бумажку с синей печатью в «Транс-Авто». Чтобы «инвесторы быстрее подписа-

ли». Что это вопрос жизни и смерти фирмы. Мальчишка вез ее через всю Москву, прижимая папку к груди, как знамя Победы. Боялся в аварию попасть, скорость превысил. Он плакал от гордости, Гера. Потому что ты назвал его единственным взрослым мужчиной в нашей богадельне. Своим преемником почти назвал.

Воздух кончился. Георгий хватал ртом кислород, но легкие отказывались работать.

— Знаешь, что самое смешное? — продолжил Андрей, делая шаг ближе. Теперь их разделяло всего несколько метров грязи. — Контракт с тем перевозчиком можно было расторгнуть простым уведомлением по электронной почте. Одной кнопкой отправить скан. Без всяких синих печатей, нотариусов и личных визитов сопливых мальчиков. Но тебе нужна была подпись Ильи. Тебе нужен был ритуал. Спектакль. Тебе нужна была власть над нами. Над дураками. Деньги Штерна были платой за молчание. А товаром... товаром была наша глупость. И моя вера в то, что мой лучший друг — не кусок дерьма.

Андрей поправил лямку тяжелого рюкзака на плече. Развернулся спиной к роскошному дому.

— Беги обратно в свой золотой хлев, Гера, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. — Твой батюшка ждет пожертвований. Нам разговаривать не о чем.

Он пошел прочь, тяжело ступая по раскисшей колее, оставляя глубокие следы рифленых подошв. Туда, где слы-

шен был стук топоров и пахло смолой. Он шел домой.

Георгий остался стоять на идеальном английском газоне. Из открытых дверей гостиной доносился смех рабочих, звон хрусталя и голос жены Ольги: «Гера, иди скорее, шампанское привезли! Italianское, как ты любишь, просекко закончилось!»

Совість не просыпается в пустой церкви на исповеди. Она бьет тебя солнечным сентябрьским утром на пороге собственного рая, пахнущего чужими деньгами и чужой честью.

Глава 3

Офисный кондиционер монотонно гудел, пытаясь победить духоту бабьего лета. За окном, на двадцать третьем этаже башни в «Москва-Сити», текла река из тонированного стекла и хрома. Город внизу казался нарисованным, игрушечным.

Георгий сидел в кресле Аркадия Марковича Штерна. Самого Штерна не было — он улетел открывать филиал в Казани, оставив вместо себя пустое кожаное кресло стоимостью с хорошую двушку в Бирюлево и бутылку минеральной воды без газа.

Двадцать лет назад Георгий думал, что предательство — это прыжок. Один шаг в темноту, адреналин, сжавшийся желудок, и ты уже другой человек. Оказалось, предательство — это марафон. Ежедневная, выматывающая гонка по беговой дорожке позолоченной клетки. Чтобы стоять на месте, нужно бежать со скоростью курьерского поезда.

— Гера, подпиши у курьера накладные, пока я счета выгружу, — прощепетала Лиля, просовывая голову в приоткрытую дверь кабинета.

Лиле было двадцать два. Идеальная осанка, купленная вместе с курсами этикета, виниры цвета полочной доски и абсолютная профессиональная пустота в глазах. Она была его личным ассистентом. Ее главная должностная обязан-

ность заключалась в том, чтобы быть красивой декорацией и вовремя напоминать Георгию о встречах, которые он ненавидел.

Он молча кивнул. Братьев Крестовских, владельцев крупнейшей сети цветочных магазинов, нужно было дожать до конца дня. Они упирались по логистике скоропорта, требуя невозможных температурных режимов для голландских тюльпанов. Стандартная схема: создать проблему, героически решить ее за счет фирмы (то есть переложив убытки на транспортников), забрать разницу наличными. Грязно, скучно, прибыльно.

Телефон завибрировал. Ольга.

Георгий сбросил вызов. Третий раз за утро. Он знал этот сценарий. Утренняя истерика, переходящая в ледяное молчание к вечеру. Вчера она нашла выписку по допкарте. Не ту, где лимиты на миллионы, а старую, которую он забыл закрыть после покупки яхты три года назад. Выписка на сорок тысяч рублей в каком-то полуподвальном баре на Сретенке.

«Это просто ужин с партнерами!» — кричал он тогда.

«Ужин с водкой и шаурмой?» — тихо спросила она.

Ольга умела бить словами точнее, чем хирург скальпелем.

Георгий открыл мессенджер. Написал сухо: «Занят. До вечера». Заблокировал экран.

В кармане пиджака от Brioni лежал телефон-раскладушка. Дешевая звонилка, купленная вчера в переходе специально для связи с людьми Штерна. Номер знали только двое.

Телефон вибрировал беззвучно, но Георгий чувствовал эту вибрацию позвоночником, как чувствуют приближение землетрясения животные. Ему никто не звонил. Пока. Но страх стал его постоянным метаболизмом.

— Георгий Сергеевич, к вам Илья Петрович Сомов, — голос Лили в селекторе прозвучал так, словно она докладывала о прибытии инопланетного корабля. — Говорит, вы назначали. Что-то про какой-то старый фонд ветеранов логистики.

Илья?

Сердце пропустило удар, а затем забилося где-то в горле тяжелым, глухим комом.

Илья Сомов. Тот самый деревенский простак с белесыми ресницами. Двадцать лет тишины. Двадцать лет поисков Андрея, который растворился в стране, меняя города и почты. И вдруг — Илья. Здесь. В этом храме успеха.

— Я никого не жду, — хрипло ответил Георгий в интерком. Голос сорвался. — Вышвырни его. Скажи, ошибся дверь.

— Он сказал... — Лиля замялась, что было для нее абсолютно нехарактерно. Сказалось редкое имя-отчество. — Он сказал, что принес печать. Нашу. Старую. Синюю. Сказал, вы поймете.

Воздух в кабинете загустел, превратился в кисель. Легкие отказывались его качать.

Печать. Та самая. Круглая, пахнущая старыми штемпель-

ными чернилами и крахмальным клеем папки-скоросшивателя. Георгий был уверен, что она давно сгнила на свалке или переплавлена вместе с остальным офисным хламом нулевых.

— Пусть войдет, — выдавил он.

Секретарша распахнула дубовую дверь. На пороге стоял мужчина неопределенного возраста — между пятьюдесятью и шестьюдесятью. Лицо обветренное, кирпичного цвета, покрытое сеткой мелких морщин — такие бывают у людей, проводящих жизнь на открытом воздухе. Потертый твидовый пиджак явно куплен на рынке. Под ним — фланелевая рубашка в клетку. От него пахло дешевым табаком, машинным маслом и осенней сыростью.

Илья вошел боком, стесняясь собственного присутствия среди этого блеска. В руках он мял потертую дерматиновую сумку, какие носят провинциальные бухгалтеры. Он сделал два шага по персидскому ковру и остановился, боясь наследить своими грубыми рабочими ботинками.

— Здравствуй, Гера, — сказал он просто. Без пафоса, без упрека. Как здороваются соседи по лестничной клетке.

Георгий медленно поднялся из-за стола. Дорогой костюм внезапно стал тесным, воротник давил на кадык. Он обошел стол, инстинктивно увеличивая дистанцию.

— Илья? Ты как здесь... откуда?

— Из Костромской области, — Илья неловко переступил с ноги на ногу. — Я там сейчас. Дом купил, пасеку держу.

Мед вожу. Вот, решил столицу навестить, старых коллег проведать. Андрюху искал сначала... говорят, совсем затворником стал, на севере где-то, церкви рубит. А мне сказали, ты тут теперь главный по дорогам.

Упоминание Андрея резануло по живому. Затворник. Рубит церкви. Живет. В отличие от Георгия, который гниет заживо в аквариуме.

— Зачем пришел? — резко спросил Гера. — Если денег надо...

Илья грустно усмехнулся, отчего морщины вокруг глаз стали глубже.

— Денег? Господь с тобой, Гера. У меня мед липовый, свой. Пасека тридцать ульев. Мне твоих денег не надо. Я вот чего... — он поставил сумку на пол, расстегнул молнию. Звук показался Георгию оглушительным. — Помирал я недавно, Гера. Инфаркт. Клиническая смерть была. Три минуты сердце стояло. Врачи потом говорили, чудо.

Илья достал из сумки деревянный ящичек. Открыл крышку. Внутри, на бархатной подкладке, лежала она. Старая синяя печать ООО «Вектор-Лог». Металл чуть потускнел, дерево ручки покрылось темными пятнами от сотен прикосновений.

— Санитарка в реанимации вернула, — продолжил Илья, глядя куда-то в стену поверх головы Георгия. — Кто-то из мужиков наших, грузчиков бывших, ей отдал. На память, когда фирму громили. А она мне принесла. Я смотрю на нее,

Гера, и думаю иногда ночами. Ошибся я тогда. Крепко ошибся. Понимаешь? Чай тогда на клавиатуру пролил, испугался страшно. А ты подошел. Сказал: «Не дрейфь, Сомов, прорвемся. Ты же мой друг». Обнял даже. Первый раз в жизни начальник обнимал. Я тебе поверил. А бумажку... ну, дурак был. Деревня. Думал, правда инвесторов спасаем. Только печати этой бумаженции не хватало для солидности, вот ты и сунул. Я расписался, а ты сам хлопнул. Аккуратно так, профессионально. Даже размазать не дал.

Георгий смотрел на свои руки. Манжеты рубашки были застегнуты дорогими запонками с ониксом. Руки не дрожали. Руки финансиста мирового уровня. Но внутри все превратилось в труху.

— Это было бизнес-решение, Илья, — чужим голосом произнес он. Формула, отработанная годами. — Андрей довел компанию до кассового разрыва своим идеализмом. Мы бы все пошли по миру.

— Какой разрыв? — Илья поднял на него выцветшие голубые глаза. Впервые в них блеснуло что-то похожее на презрение. — Там инвестфонд заходил. Реальный. Американский. Они нам лям зелени под честное слово готовы были дать, потому что алгоритм Громова работал. А твой Штерн здание хотел под торговый центр. Вы нас продали за коробку из-под ксерокса, Гера. Меня, Андрюху... себя.

Илья взял со стола сувенирный глобус из горного хрусталя, повертел в руках и аккуратно поставил на место.

— Я тебя не винить пришел, — сказал он, закрывая ящик с печатью. — Бог судья. Я ведь тоже виноват. Поверил. Просто знай, что печать эта ко мне вернулась. Как напоминание. Чтобы мед свой честно продавал. А ты... ты береги себя. Сердце-то оно одно. Его инфаркт не всегда отпускает.

Он развернулся и пошел к двери. Тихо, шаркая подошвами. Не попрощавшись.

— Стой, — вырвалось у Георгия. Хриплый, отчаянный звук.

Илья обернулся.

— Что, Гера?

Георгий смотрел на этого человека, которого он использовал как пешку. Который выжил после инфаркта, держит пчел в костромской глуши и выглядит в тысячу раз более живым, чем хозяин этого кабинета с панорамным остеклением.

— Где... где Андрей? — спросил он. Вопрос стоил ему дороже, чем вся сделка со Штерном. — Адрес. Телефон. Мне... поговорить надо.

Илья долго смотрел на него. Изучающе. Словно видел перед собой не акулу бизнеса, а побитую собаку.

— Нет адреса, — наконец ответил он. — И телефона нет. Он живой, если тебе это греет душу. Службу правит. Топором машет. Ангелов строгают из липы. Найдешь, если сильно приспижит. Только вряд ли он с тобой говорить станет. Он свое отплакал еще тогда, в девяностых, когда мать схоронил. А ты... ты свое плакать еще не начал.

Дверь закрылась мягко, с пневматическим шипением.

Георгий остался один.

На столе, рядом с монитором последней модели, стоял забытый Ильей деревянный ящичек.

Георгий подошел, щелкнул замком. Достал тяжелую, холодную металлическую печать. Покрутил в пальцах. Резина высохла и задубела.

Он размахнулся, собираясь швырнуть кусок металла в бронированное стекло окна, разбить эту иллюзию неуязвимости вдребезги.

Но рука замерла в верхней точке. Опустить печать обратно в ящик стоило титанических усилий.

Вечером, дома, Ольга встретила его в прихожей. Она не кричала. Она смотрела на него долгим, изучающим взглядом врача, ставящего смертельный диагноз.

— Тебя снова тошнило, — сказала она утвердительно.

Георгий вздрогнул. В ванной действительно пахло желудочным соком. Приступ случился полчаса назад, прямо на парковке офиса, едва он сел в машину. Водитель сделал вид, что ничего не заметил.

— Переутомление, — бросил он, стягивая галстук.

— Не лги мне, Гера, — тихо ответила она. — Я слишком долго живу с покойником, чтобы не чувствовать запах земли. Тебе плохо не от усталости. Тебе плохо, потому что земля начинает принимать тебя обратно.

Она ушла в спальню, плотно прикрыв за собой дверь.

А Георгий остался стоять в мраморном холле своего дворца, прижимая ладонь к груди, где бешено, аритмично колотилось сердце, пытаясь пробить дорогу наружу сквозь дорогой шелк рубашки.

Глава 4

Ноябрь 2003 года в Москве лег на город свинцовой плитой. Снег еще не выпал, но небо опустилось так низко, что казалось — можно достать рукой до серых животов туч и зачерпнуть горсть ледяной измороси. Темнело стремительно, к четырем часам дня зажигались фонари, заливая грязные лужи ядовито-оранжевым светом. В такие вечера столица особенно остро пахнет выхлопами, мокрой резиной и безысходностью.

В кабинете Штерна пахло озоном от увлажнителя воздуха и властью. Окна во всю стену выходили на темную ленту реки, но сейчас они отражали лишь мертвенно-бледное лицо Георгия и зеленоватый свет монитора.

— Ты подписал? — Аркадий Маркович даже не поднял глаз от бумаг. Его голос был ровным, как бетонная стена.

Георгий положил перед ним папку с учредительными документами «Вектор-Лога». Внутри, среди листов устава, лежала копия того самого фатального допсоглашения. Илья уже отвез оригинал курьером. Рубикон был перейден.

— Подписал, — ответил Гера. Язык казался наждачной бумагой. — Печать у Андрея. Но он уехал к Ольге на дачу, ключи только утром заберем. Уставняк менять будем?

Штерн наконец посмотрел на него. Взгляд был тяжелым, оценивающим.

— Уставный капитал мы размоем позже, через суд. Когда акции арестуем за долги по аренде. А пока... — он достал из ящика стола тяжелую металлическую печать. Не их фирменную, круглую, а квадратную, юридическую. «Для документов». — Пока нам нужно решение о смене генерального директора. Протокол собрания. Вот здесь, где галочка.

Он подвинул бланк. Георгий пробежал глазами по строчкам: «Освободить от должности Громова А.В. ... назначить временно исполняющим обязанности Волкова Г.С.».

Сердце пропустило удар. Одно дело — быть теньвым кукловодом, дергающим за ниточки испуганного Илью. Другое — официально сесть в кресло друга. Стать его начальником. Палачом.

— Зачем это сейчас? — хрипло спросил Гера. — Моя фамилия там...

— Твоя фамилия там для банков, — отрезал Штерн. — Кредиторы начали проверку. Если завтра инкассаторы придут выносить серверы, мне нужен будет человек с правом подписи, который откроет им дверь и отдаст ключи. Без истерик. Сделаешь?

Георгий взял дорогую перьевую ручку. Чернила ложились на бумагу густой синей линией. Волков Г.С. Три буквы фамилии стоили ему остатков души. Он отдал протокол Штерну.

Тот небрежно бросил лист в стол.

— Теперь иди домой. К жене. Улыбайся. Покупай ей цве-

ты. Завтра в девять утра ко мне. Получишь инструкции по выводу средств со счетов. И скажи водителю, чтобы гнал аккуратно, погода дрянь. Разобьешь машину — вычту из бонуса.

На улице дождь перешел в липкий, тяжелый снег. Крупные хлопья оседали на волосах Георгия, мгновенно тая и стекая за воротник. Он стоял на крыльце бизнес-центра, глядя, как люди бегут к метро, пряча лица в воротники. Ему впервые в жизни было физически холодно в дорогом пальто. Холод шел изнутри.

Водитель подал черный немецкий седан. Гера рухнул на заднее сиденье. Кожаный салон пах новой машиной и чужим успехом.

— Домой, Герман? — спросил водитель через плечо.

— Нет, — голос Георгия прозвучал сипло. — Давай... давай в «Седьмой элемент».

Клуб «Седьмой элемент» в те годы был Меккой для тех, кто хотел забыть, сколько стоит их часы. Дешевый алкоголь, громкая музыка, полумрак, где все равны в своей пьяной деградации.

Там, в прокуренном углу бара, над стаканом дешевого виски, его и нашла Ольга. Она стояла над ним, высокая, прямая, источающая запах морозной свежести и дорогих духов. На ней было бежевое кашемировое пальто, волосы идеально уложены. Рядом с растрепанным, бледным Георгием она выглядела спустившимся ангелом, которому забыли сказать,

что ад находится прямо под ее ногами.

— Гера, вставай, — сказала она тихо. Так тихо, что он едва слышал за басами музыки. — Ты позоришься.

— Оленька! — он попытался обнять ее ноги, путаясь в штанинах. От него несло перегаром и отчаянием. — Они нас убьют, понимаешь? Андрюха банкрот! Нас всех пустят по миру! Но я договорился! Мы спасены! Я теперь главный!

Ольга брезгливо отстранилась. Ее прекрасные глаза цвета стали смотрели на мужа без капли любви. Только холодное, кристаллизованное презрение.

— Ты никогда не станешь главным, Гера, — произнесла она, чеканя каждое слово, чтобы оно дошло сквозь туман его опьянения. — Потому что главные сами создают миры. А ты можешь только прятаться в тени чужих кресел. Ты крыса, Гера. Самая умная, самая юркая крыса в подвале. Но потолок этого подвала всегда будет определять чужой ботинок. Пошли отсюда. От тебя воняет страхом.

Она развернулась и пошла к выходу. Свет стробоскопа схватил идеальный профиль ее затылка.

Георгий остался сидеть один. Деньги Штерна жгли карман. Впереди была власть. Но любовь этой женщины он потерял именно сегодня, в ту секунду, когда поставил подпись под именем Андрея. Потерял навсегда, потому что перестал быть даже человеком в ее глазах.

Глава 5

Ноябрь 2023 года встретил Георгия температурой около нуля и густым, непроницаемым туманом. Поселок «Серебряный бор» утонул в молочной мгле. Фонари вдоль дороги выхватывали из белой пелены лишь фрагменты реальности: острое золото купола строящегося храма, глянцевый бок брошенного самоката, призрачный силуэт огромной ели. Сырость проникала повсюду, заставляя дорогой кашемир пахнуть псиной и старым погребом.

Георгий Сергеевич сидел в столовой перед панорамным окном. Стекло было теплым от подогрева, но прижавшись лбом к прозрачной поверхности, он чувствовал могильный холод улицы.

В доме стояла тишина. Лиля взяла отпуск. Водитель возил Ольгу по магазинам. Георгий был заперт внутри собственной крепости, которая внезапно превратилась в склеп.

Деревянный ящичек с печатью стоял посреди обеденного стола из цельного дуба. Миска с недоеденным фермерским творогом была отодвинута. Есть не хотелось. Организм отказывался принимать пищу, реагируя на отраву воспоминаний физической тошнотой.

Телефон — дешевая черная раскладушка, купленная вчера, — завибрировал на столе беззвучно, но вспышка экрана резанула по глазам. Номер скрыт.

Пальцы, привыкшие сжимать паркеровскую ручку, неловко откинули крышку.

— Да, — сказал он в трубку.

— Узнал? — Голос был тихим, с той самой картавинкой, которую время стереть не смогло. Андрей.

Георгий вцепился в край стола так, что побелели костяшки. Сердце заколотилось о ребра, как птица о прутья клетки.

— Как... как ты узнал этот номер?

— Мир тесен, особенно если молиться одним святым, — усмехнулся Андрей. Казалось, он говорит откуда-то издалека, может быть, из другой галактики. — Батюшка наш общий знакомый оказался. Передавал тебе поклон. Сказал, дом почти готов. Красивый дом. Для человека красивый, а для души — пустой. Это грех, Гера. Строить храмы из камня, разрушая храм внутри себя.

Георгий сглотнул ком в горле. Воздух вдруг стал густым, как вода. Легкие работали впустую.

— Мне нужны гарантии, — просипел он. Старое правило бизнеса само выскочило наружу. — Письменное подтверждение, что ты не претендуешь... на активы. Срок давности вышел, но есть репутационные риски. Я могу предложить компенсацию. Фонд. Или просто наличными. Назови сумму.

На том конце провода раздался звук, похожий на кашель, но больше напоминающий скрип старого дерева на ветру. Смех.

— Сумма, — повторил Андрей. — Ты всё измеряешь весом, Гера. Даже совесть у тебя на развес идет. Денег твоих не надо. Кровью их отмывать — себе дороже. Знаешь, почему я звоню?

— Почему? — выдохнул Георгий.

— Прощаться. Я послезавтра уезжаю. Навсегда. За Урал. Там приход дали, часовню рубить буду. Больше связи не будет. Живи спокойно. То, что ты построил на моих костях, останется тебе. Пользуйся. Только ночами смотри в окно почаще. В такой вот туман. Говорят, если долго смотреть в бездну, она начинает смотреть в тебя.

Короткие гудки ударили по барабанным перепонкам, как выстрелы.

Георгий медленно опустил трубку.

Туман за окном сгустился окончательно. Золото куполов исчезло. Теперь за стеклом была абсолютная, первобытная белая пустота.

Он встал, подошел к бару, достал бутылку двенадцатилетнего односолодового виски. Руки дрожали так сильно, что он долго не мог попасть горлышком в стакан. Янтарная жидкость пролилась на столешницу, впитываясь в дерево.

Георгий осушил стакан залпом. Огненная волна прокатилась по пищеводу, но не принесла тепла.

Совесть не пришла к нему на исповедь. Совесть позвонила ему по дешевому телефону, чтобы сообщить о переезде. И оставила его одного — самого богатого человека в горо-

де-призраке, затерянном в ноябрьском тумане.

Глава 6

Декабрь 2003 года в Москве — это время выжженной земли. Снега всё ещё нет, земля промерзла до звона и покрыта черной ледяной коркой, которую дворники называют «катушкой». Ветер с реки пробирается насквозь тонкую шерсть пальто, а искусственный свет витрин делает лица прохожих похожими на мертвецов. Город готовится к Новому году с остервенением обреченных, пытаясь залить неоновым шампанским зияющую пустоту под ногами.

В офисе пахло хвоей от искусственной елки, купленной Ильей по дешевке на оптовом складе, и озоном тревоги.

Андрей сидел за своим столом уже третий день. Он почти не спал. Глаза, красные от недосыпа и линз, бегали по мониторам. Серверы грелись, охлаждение гудело, но главный алгоритм выдавал ошибку. Деньги уходили. Каждый час баланс компании падал на несколько тысяч долларов. Кто-то методично сливал их через фиктивные счета транспортных компаний.

— Гера, посмотри сюда, — Андрей ткнул пальцем в экран, едва не сбив кружку с остывшим чаем. — Это что? Оплата услуг склада в Подольске? Мы туда ничего не отправляли последние полгода! Сумма сто пятьдесят тысяч!

Георгий подошел вальяжно, покачиваясь на каблуках своих дорогих ботинок, которые он купил вчера на первую

неофициальную выплату от Штерна. Кожа поскрипывала при каждом шаге. Он наклонился над плечом Андрея, делая вид, что внимательно изучает таблицу Excel.

— Успокойся, Андрюх. Ну какой Подольск? Это Леночка напутала. Бухгалтерия у нас сам понимаешь... три калеки. Я ей скажу, она сторнирует проводку. Не паникуй перед праздником. У тебя круги под глазами, как у панды. Оля волнуется.

Он говорил правильные, успокаивающие слова. Голос звучал ровно. Но внутри Георгий холодел. Платеж ушел утром. Система автоматизирована. Чтобы его отменить, нужно лезть в банковский клиент со своего компьютера, вводить токен. А деньги уже сняты. Наличными, через подставное лицо. Илья отвез документы-пустышки, подписал акты выполненных работ своей детской, прыгающей подписью. Сделка легальна. Бумаги идеальны.

— Ладно, я разберусь, — Гера похлопал друга по сутулой спине. Рука была тяжелой, чужой. — Иди домой. Новый год же. Езжай к теще на дачу. Мандарины, оливье. Выдохни.

Как только дверь за Андреем закрылась, улыбка сползла с лица Георгия. Он сел в кресло друга. Кресло показалось ему электрическим стулом. Он открыл нижний ящик стола, достал початую бутылку дешевого коньяка, который они держали для особо нервных клиентов, и сделал долгий глоток прямо из горла. Спирт обжег пищевод, но не принес опьянения. Только временный наркоз.

Вечером того же дня позвонил Штерн. Коротко, сухо.

— Грузчики заблокировали вход. Стоят внизу, курят. Вахтерша боится выходить. Твоя задача?

Георгий посмотрел в окно. На улице действительно сгустились сумерки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.